Ветка помнит и живет

26 апреля 2018 Общество | Русский

0

События 32-летней давности для Ветковского района стали черной полосой, разделившей его историю на «до» и «после» Чернобыля. Те дни были наполнены страхом неизвестности, потрясений и драматизма, которые переживали сотни тысяч людей. Все это происходило на глазах у Евгения Ивановича Чеванькова, который прожил здесь всю жизнь, был председателем райисполкома, занимал другие руководящие посты.

Сначала были слухи

Весной 1986-го рассказчик был заместителем председателя райисполкома:

— Жизнь шла, как и в других провинциальных городках Советского Союза. Размеренная, неспешная, но в то же время строились, развивались. И тут — катастрофа, о которой, впрочем, узнали далеко не сразу. Само 26 апреля мне вообще никак не запомнилось — обычный день.

Первого мая в Ветке проходила демонстрация солидарности трудящихся. Жители райцентра пришли нарядные, с детьми на руках. А вот разговоры в строю ходили непраздничные. Шептались об аварии на Чернобыльской АЭС. Люди откуда-то знали. Возможно, из сообщений зарубежных радиостанций, которые тайком слушали в СССР. Чуть позже, собравшись в райисполкоме, управленцы решили уточнить, где находится этот Чернобыль. Посмотрев карту, облегченно вздохнули: больше ста километров — бояться нечего...

Повседневная жизнь продолжалась. Слух об аварии распространился настолько, что ни для кого уже секретом не был. Но официальной информации по-прежнему не поступало.

— Вместе с коллегой поехал в заречную зону, — Евгений Иванович вспоминает день, когда нетайное стало совершенно явным. — Подъезжаем к сельсовету в очередной деревне, выбегает секретарь: «Звонили из Ветки — немедленно возвращайтесь». Приезжаем — у райисполкома стоит длинная автоколонна: грузовики, милиция, скорая помощь. Смотрю — машина отца, работавшего водителем в совхозе. Я к нему, открываю дверь — отец сидит в ушанке, фуфайке и в сапогах.

Родитель сообщил: колонна направляется в зону аварии — эвакуировать скот. А его зимний гардероб был попыткой защититься от радиации.

Драма на вокзале

Масштаб аварии на ЧАЭС был признан. Начались тяжелые, страшные будни. Вскоре пришла команда направить транспорт для эвакуации из Наровлянского района женщин и детей. Многих забирали прямо с улиц — в том, в чем стояли. Будь то даже домашний халат и тапочки. Робкие протесты пресекались фразой: «Вашему ребенку грозит опасность». Потрясенные родительницы повиновались.

Четыре автобуса прибыли в Ветку. Приезжих разместили в нескольких санаториях, организовали питание. А уже назавтра обеспечивали необходимым. Со складов райпо забиралось все подряд: детское питание, одежда, предметы гигиены. Вопрос об оплате даже не поднимался.

За счет госпрограммы ликвидации последствий на ЧАЭС была построена поликлиника

То, что случилось потом, рассказчик и сегодня не может вспоминать без слез в глазах:

— Дней через десять приезжает самосвал. В кузове — человек пятнадцать. Оказалось, супруги этих наровлянских женщин. Мужики-то оставались там — работа продолжалась. Никто их, конечно, не отпускал. Вот они сами взяли машину и рванули в самоволку. Влететь за это могло сильно.

Видели бы вы ту встречу. Обнимаются, целуются, жены наспех какие-то указания дают — что из дома забрать, где деньги, документы лежат. А как расставаться — рыдают все, дети кричат, на папках виснут, за ноги хватают — отпускать не хотят. Мужики не выдерживали — тоже плакали.

Еще драматичнее происходила отправка детей на оздоровление, которая в год катастрофы проводилась повсеместно. Сотнями эшелонов вывозились целые школы — на все лето, в разные концы Союза.

— В первый раз мы допустили ошибку, — вспоминает Чеваньков. — Детей собрали, повезли в Гомель. Родители следом: кто на своих машинах, кто в рейсовых автобусах. И вот вокзал, поезд, время отправки. А дети как разревутся… «Папа, мама! Я не хочу ехать! Заберите меня домой!» У мам — истерика. Кто-то уже ребенка назад тянет. Учителя чуть ли не силой отбирают. Плач, крики, проводницы носятся как сумасшедшие: «Уберите провожающих — поезд ехать должен!» Полчаса задержки, час, два — еле отправили. Потом уже иначе поступали. Родителей предупреждали, чтобы здесь прощались, в Гомель не ехали. Они, конечно, не слушали — своим ходом на вокзал. Вот только поезда там нет. Состав заранее отогнан в тупик, где мы детей по вагонам спокойно рассаживали. Лишь так получалось.

Чернобыльский отшельник

Отношение ветковчан к радиации — отдельная тема. Рассказчик с усмешкой вспоминает пенсионерку, которая как-то

Популярное | Обсуждаемое

За день | За неделю | За месяц

ТВ

Выберите телеканал

МІНСК TV

Вся программа

высказала претензии: «Захожу в погреб, а у меня там — три куска этой радиации! Куда райисполком смотрит?!» Другая бабушка из отселенной деревни упрямо возвращалась в свой дом. Хотя давно получила жилье в чистой зоне. После нескольких неудачных попыток переселить упрямую старушку взяли грех на душу — радиоактивную избушку сожгли.

Но самым известным, почти легендарным самоселом стал Феликс Эдуардович Набокин. Задолго до Чернобыля он работал учителем в деревне Бартоломеевка. Во время эвакуации, разменяв уже девятый десяток, наотрез отказался выселяться. Остался жить в зоне, держал хозяйство — стадо коров. Первыми о нем рассказали телевизионщики из Ленинграда. После чего Набокин стал настоящей звездой. Иностранные делегации в те годы приезжали в Ветку одна за другой. Журналисты жаждали встречи с отшельником. Японцы даже сделали о нем два больших фоторепортажа.

— Я не раз пытался уговорить его на переезд, — Евгений Иванович рассказывает о попытках вернуть добровольного пленника зоны. — Он ни в какую. Утверждал, будто радиация избавила его от экземы. Мол, по утрам, раздевшись догола, он ходит по росе косить траву. И болезнь, от которой он страдал всю жизнь, прошла. Иностранцы от таких рассказов чуть в обморок не падали. Особенно узнавая, что Феликс Эдуардович питается своими продуктами. Пьет молоко, собирает грибы и ягоды, в которых около 80 кюри радиации.

Закончилась история трагически. Набокин привлек внимание двух маргиналов, решивших, что у него есть сбережения. Приехав в деревню, преступники напали на одинокого старика. Во время допроса его избили и привязали к дереву. Не найдя денег, злодеи зарезали одну из коров и увезли тушу в Гомель.

Преступников задержали по горячим следам. А их жертву обнаружили в том же состоянии — привязанным к дереву. Феликс Набокин умер от переохлаждения.

Ветке — быть

Вскоре после катастрофы было принято решение строить на Ветковщине поселки для переселенцев из Брагинского, Наровлянского, Хойникского районов. Работа закипела ударными темпами — прибыло множество строительных организаций со всей Гомельской области.

— Мы, чиновники, действовали в соответствии с рекомендациями ученых, — объясняет мотивацию таких решений Евгений Чеваньков. — Было мнение, что если всюду проложить асфальт и водопровод — возможно, отселения не потребуется. Вот и строили в деревнях. В деревне Речка, например, успели построить школу и детсад, которые проработали всего два года.

Но вдруг строители резко исчезли, забрав лишь технику и бросив стройматериалы. Оказалось, район пострадал едва ли не больше всех в Гомельской области. Невозможными для дальнейшего проживания были признаны 59 населенных пунктов. Больше, чем в районах, которые географически находятся ближе к АЭС. В какой-то момент стоял вопрос об эвакуации всего райцентра. В городе началась паника. Многие уезжали, куда только могли. В числе первых — врачи и учителя, как никто осознававшие степень радиационной опасности.

В ближайшее время в рай-центре откроется плавательный бассейн

Позже картину уточнили. Было проведено деление на зоны, определявшие степень радиоактивной загрязненности. Жизнь стала продолжаться по новым правилам. По рекомендациям ученых хозяйства перешли на возделывание культур, не накапливающих радионуклиды. Строились новые социальные объекты, которые служат до сих пор. К примеру, на деньги, выделенные по чернобыльской программе, построена поликлиника. А рядом с ней вот-вот перережут красную ленточку на открытии бассейна.

— Конечно, то, что случилось в 1986-м, — трагедия, переоценить масштабы которой и для всей страны, и для сотен тысяч людей сложно, — резюмирует Евгений Иванович в завершение беседы. — Но давайте смотреть на вещи трезво. Нам уже никуда от этого не деться. С этим придется учиться жить, что мы делали все эти годы и будем продолжать делать дальше. Ветка будет — Ветке быть. Я в этом даже не сомневаюсь.

Автор: Руслан Пролесковский

Рэспубліка

Теги: Ветка

(0)

Поделиться 0 Мне нравится Опубликовать Класс 0

Комментарии (0)

Вам нужно авторизироваться, чтобы вы могли комментировать

2012-2024 Портал «Все СМИ»